

ПОЭЗИЯ В ТРАНЗИТЕ: ДЕВЯТЬ ИНТЕРВЬЮ О МЕСТЕ ПОЭЗИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И В ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье представлен материал социологического исследования в сфере литературы и чтения, касающийся вопросов отношения современного общества к чтению поэзии. Автором были собраны и проанализированы интервью исследователей современной русской, немецкой, итальянской, японской и английской поэзии, с целью определить ее место в современной культуре, выделить наиболее продуктивные читательские стратегии и на основе этих данных проследить связь между подходами к преподаванию литературы в школе и наметить возможные пути обновления литературного образования школьников в области преподавания поэзии, классической и современной. Материалы интервью русских и немецких коллег позволяют сравнить не только своеобразие взглядов на поэзию, присутствующее в культурах России и Германии, но и увидеть, насколько активнее ситуация в поэзии развивается в России, что определяет также и развитие поэтических практик.

Ключевые слова: поэзия, социальный статус, читательские стратегии, социологические исследования, методика литературы в школе.

«Русскоязычная поэзия в транзите»¹ – международный научный проект университета города Трир (Германия), который объединил исследователей из разных стран, занимающихся изучением русской, немецкой, японской и китайской, украинской поэзии. Цель исследования, представляемого в данной статье, – собрать материал, позволяющий обобщить и сопоставить русско-немецкий взгляд на роль поэзии в современной культуре. Мы предположили, что людям, увлеченным изучением современной поэзией, как никому другому видны социальные процессы, являющиеся контекстом для ее существования. В данном предположении мы опирались на идею, изложенную Давидом Юмом: «...Мы должны подбирать наши опыты путем осторожного

© Асонова Е. А., 2018

¹ Статья выполнена в рамках проекта DFG-Kolleg-Forschergruppe FOR 2603 "Russischsprachige Lyrik in Transition: Poetische Formen des Umgangs mit Grenzen der Gattung, Sprache, Kultur und Gesellschaft zwischen Europa, Asien und Amerika" (Университет города Трир, Германия)

наблюдения над человеческой жизнью; нам следует брать их так, как они представляются при обыденном течении жизни, в поведении людей, находящихся в обществе, занимающихся делами или предающихся развлечениям. Тщательно собирая и сравнивая опыты этого рода, мы можем надеяться учредить с их помощью науку, которая не будет уступать в достоверности всякой другой науке, доступной человеческому познанию, и намного превзойдет ее в полезности» [Юм 1965: 58]¹. Интервью с исследователями современной поэзии, как нам кажется, позволяет обнаружить сходные и различные черты развития литературного поэтического процесса в России и Германии. Вопросы первой части гайда для интервью посвящены тематике социального статуса поэзии, а также описанию читательских стратегий. Вторая часть интервью отведена вопросам становления читателя поэзии, определению роли школьного образования, так как вторая гипотеза проводимого исследования заключалась в предположении, что, сопоставив и обнаружив общее в высказанных мнениях исследователей о социальных и эстетических функциях поэзии, можно сформулировать отвечающие ожиданиям общества, соответствующие современному этапу развития культуры задачи школьного литературного образования в области преподавания поэзии.

Участники интервью – исследователи поэзии, среди которых ведущие ученые в области стиховедения и современной поэзии, а также начинающие исследователи (например, аспиранты и докторанты трирского университета). Возрастной состав интервьюеров колеблется от 25 до 65 лет. Среди них было четверо мужчин и пять женщин. В ответах представлены мнения людей, которые всю свою жизнь прожили в Германии и представляют не только свой исследовательский взгляд на поэзию, но и описывают свой опыт обучения в немецкой школе, рассказывают о том, каким было изучение поэзии. Научные интересы этих респондентов различные – русская литература, немецкая поэзия, японская и английская поэзия. Среди отвечавших есть ученые, начинавшие свою филологическую карьеру в России и продолжающие ее в Германии (обучавшиеся в магистратуре или аспирантуре). Трое респондентов представляют российскую школу изучения и преподавания стиховедения и современной поэзии.

По условиям интервью ответы респондентов приводятся без указания их имен, в обобщенном виде, в виде монологического высказывания.

Первая группа ответов немецких исследователей.

Интервьюер мужчина, около 40 лет, Ph.D.

¹ Цитируется по книге Венедиктова Т. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель как культурный герой / Татьяна Венедиктова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 280 с. С. 7.

Поэзия связывает людей – даже живущих с умершими. Она особым образом – коммуникативно – формирует нашу культуру, творит общие языковые формулы. Она развивает социальную эмпатию, способность понимать других людей, воспринимать обертоны, принимать неоднозначность, даже, пожалуй, находить в этом свою красоту. Поэзия ведет звук нашей жизни на новые высоты; стихотворения – это цветы цивилизации, и растут они из духа людей (звучит слишком выпендренно, но мне бы хотелось сформулировать именно так).

Я бы выделил следующие типы читателей. Интуитивист: схватывает общее впечатление от стихотворения: слова, звук, композиция. Педант: обращает внимание на каждый слог, каждое слово. Подневольный читатель: вынужден читать стихотворение, иногда даже интерпретировать, в школе или вузе. Утонченный ценитель богемного типа: ищет прежде всего своего отражения в прочитанном, убежден, что чувствует глубже и тоньше прочих. Читатель, занятый самолечением: припадает к «конфессиональной поэзии», чтобы исцелить собственные страдания. Упражняющийся: читает стихи, чтобы научиться лучше писать самому. Певец: охотно поет, подчас и стихи.

Идеальный читатель поэзии – шестидесятилетний каменщик, безмолвная кухонная прислуга, немецкий школьник с ментальными нарушениями, бесчувственная служащая туалета на заправке у автобана, тот, кто жарит картошку фри в ночную смену в МакДональдсе, пенсионерка в центральной части Берлина, безработный механик и даже неграмотный... Есть немало идеальных читателей поэзии. Образованные проницательные ученые – с их удивительными способностями – тоже есть. Они не идеальны, и до сих пор они не сильно изменились.

Для подготовки читателя поэзии важно не только содержание предмета, но и то, как предмет преподается. Учителя должны уметь вдохновлять, они должны не только обладать профессиональными знаниями, но и буквально жить литературой. Они должны открыть перед своими учениками весь спектр возможностей литературы, приглашать в экспедицию по ландшафтам языка, а в случае необходимости – и отправлять туда. Рано или поздно школьники найдут их собственный путь, чтобы найти себе пригодное для чтения даже в джунглях коммерческой литературы.

Думаю, что для детей поэзия – это Родина, возможность, развлечение, начало и духовное пространство. Но это ведь зависит и от самих детей, не так ли?

Интервьюер женщина, около 25 лет, аспирант.

Поэзия всегда была высшей формой искусства, но сегодня ее статус утерян. До Второй мировой войны, как мне кажется, принадлежность к поэзии была символом высокого статуса: читать или писать

стихи – значило занимать высокое положение в обществе. Сейчас поэзия читается в очень узких кругах (например, собирает на поэтические слэмы) – она получила довольно элитарный статус. Изменилось отношение людей: раньше к поэзии тянулись люди. Умение писать стихи считалось в обществе достижением, символом статуса. Сейчас это умение обесценилось. Поэзия чужда людям.

Речь идет об изменении статуса поэзии в Германии и Англии в 18 – 19 веке. Шиллер и Гете смогли достичь высокого статуса – их творчество было известным в большой стране. В Англии примером такого поэта может служить Кольридж. Именно они смогли придать поэзии высокий статус, потому что их стихи занимали престижное место в литературе, были известны большинству.

Однако стоит различать: статус писателя и статус поэзии в обществе. Статус писателя, конечно, никогда не был высоким в социальном смысле. Во второй половине 20 века статус поэзии как высочайшей формы искусства, как это было во времена Шиллера и Гете, падает. Сегодняшнюю ситуацию с чтением поэзии можно сравнить с Средневековьем: если тогда очень ограниченному числу людей были доступны книги, то теперь это небольшое число читателей – элиты – тех, кто занимается производством поэзии и чтением. Если бы читателей поэзии было бы больше, это стимулировало бы появление хороших поэтов: было бы для кого писать. Можно сравнить ситуацию с поэзией с тем, что происходит в музыке: музыку слушают гораздо больше, но подавляющее большинство этих слушателей – наивные слушатели. Переход к интерпретации мог бы многое изменить и дать для развития культуры.

Говоря о стратегиях читателей поэзии, можно выделить две: наивную и интерпретационную. Интерпретационная стратегия – та, которой учат в школе. Она характеризуется тем, что поэзия читается в поиске зацепок, которые позволят дать какую-то интерпретацию. Вторая стратегия – наивная, когда мы читаем просто для наслаждения. Когда не вычитываешь смыслы, а наслаждаешься звучанием. Эти стратегии можно еще обозначить как активное и пассивное прочтение. Чтобы лучше проиллюстрировать различие этих двух стратегий, я приведу в пример перформативное чтение Сергея Бирюкова. Я ни слова не понимаю по-русски, но получаю удовольствие от его исполнения собственных стихов. Для наивного, эстетического прочтения не обязательно понимать смысл слов или контекстов, достаточно «слышать», реагировать на ритм и звук, из которых тоже будут рождаться смыслы. Я называю это стратегиями, потому что речь идет не о разных читателях, а о разных целях чтения одного и того же читателя. И если исследователь начинает свой путь с звучания, мелодии стихотворения, то он тоже в начале использует именно наивную стратегию. Поэтому иде-

альным читателем поэзии я считаю того, кто использует обе стратегии чтения поэзии. Если говорить о современной поэзии, то может быть, её идеальным читателем может оказаться любой читатель – реалии, описываемые в этом произведении настолько близки, что не нуждаются в интерпретации, нужно только наивное восприятие – умение слушать. Если читать стихотворение 18 века, то для его «идеального прочтения» нужна подготовка.

В России есть поэты, которые способны собирать целые залы – они умеют делать из поэзии шоу, сочетая чтение стихов с музыкой, например. В Германии я не знаю таких поэтов. Знакома только с проектом, в котором читают стихи Рильке в сопровождении музыки. Но это не проект поэтов. В Японии это явление встречается еще реже – там вообще нет культуры выступления с чтением стихов. Пожалуй, только в Англии распространены публичные поэтические чтения.

Сегодня школа в определенной степени успешно готовит к восприятию исторических контекстов того или иного стихотворения. А также дети учат разные риторические фигуры: они знают, что вот это рифма, а тут анафора. Не хватает в школе работы с тем, как «воздействуют» эти риторические фигуры, какие функции они выполняют. Нужно больше уделять внимания непосредственному – эмоциональному восприятию поэзии. После первого же прочтения стихотворения обращать внимание детей на то, что они почувствовали. А потом показывать, чем эти чувства были вызваны. То есть школа не использует «наивную» стратегию чтения, сразу обращаясь к контекстуальному и интерпретационному чтению.

Как мне кажется, вопрос преподавания поэзии – это вопрос личных читательских интересов и компетенции учителя, потому что очень мало кто в немецких школах решается преподавать стихи, сочинять их вместе с учениками, чтобы показать им, как работают те или иные тропы. У меня был учитель, который в 6 классе предложил нам написать самим хайку – это конечно позволило больше узнать о поэзии. Но в дальнейшем учителя как будто бы побаивались поэзии, считали, что дети не справятся с ней.

Наверное, самый важный период становления читателя поэзии – это время обучения в начальной школе, потому что детям 6 – 8 лет свойственна любовь к ритмам, для них естественно, прослушав стихотворение, нарисовать эмоциональную картинку. Это время формирования эмоционального, наивного восприятия. Сейчас, насколько я знаю, поэзию начинают преподавать класса с 6 – 7. И начинают сразу с интерпретаций, стараются объяснить смыслы. А начинать надо гораздо раньше, стараясь научить получать удовольствие, радость от восприятия стихов.

Интервьюер – женщина, старше 30 лет, Ph.D.

В Германии статус поэзии почти что нулевой: мало кто читает, мало кто интересуется, это для узкого круга. Круг любителей поэзии маленький, и мне кажется, что это их интерес больше к поэзии XIX века – более понятной. По-моему, что это очень зависит от школы, от того, как поэзию детям преподносят. Если дети учат стихи, сами пишут стихи, то у них другой подход к восприятию поэзии. Но поскольку это непросто: когда я училась в абитуре¹, поэзию убрали из курса немецкого – так как ее трудно интерпретировать, можно завалить экзамен². Прозу намного проще давать в школе, по ней легче готовиться, там нет такой опасности. Очень сложно целый класс натаскать на определенный уровень, чтобы по поэзии сдать хорошо экзамен. Наш учитель побоялся нас к этому готовить, так как я училась в Вальдорфской школе, а там все предметы обязательные для экзамена. В классе есть дети, которые нацелены на естественнонаучные предметы, для них поэзия абсолютно не понятна.

По сравнению с Россией, Германия, пожалуй, менее читающая страна. В России с таким теплом относятся к литературе. Я была в России в 90-х, и мне кажется, что тогда было другое время – в России очень много читали, стало возможным читать то, чего раньше не было.

Идеальный читатель поэзии – это такой читатель, который извлекает из чтения поэзии что-то важное для своей жизни. Например, у него такая рутинная работа, а поэзия дает ему какое-то дополнение, пищу для души. И современная поэзия не всегда может быть такой, потому что она сильно экспериментальная, в большей степени интеллектуальна. Поэтому для души – это более старая, классическая поэзия. Бывают и современные поэты, которые воодушевляют, но все-таки эксперимента в их творчестве больше.

В школе надо учить читать современную поэзию – в чем интерес экспериментальной поэзии. Как можно и из нее извлекать не менее глубокие смыслы, чем из поэзии классической. Мы должны предоставить школьнику возможность узнать самую разную поэзию, чтобы он имел возможность выбрать. И еще очень важно, чтобы поэзия жила: чтобы ее читали и исполняли вслух, чтобы учились наслаждаться зву-

¹ Старшие классы гимназии, в которых готовят к поступлению в университет.

² Экзамен сдается письменно – это четырехчасовое сочинение. Это государственный экзамен. Есть три темы – поэзия, проза и свободная тема. Из этих трех на экзамен дают две – из них можно выбрать. Как правило поэзию убирают. Экзаменационное сочинение пишется по заранее объявленному роману XX века (например, Александр Плац, Макс Фриш). Эту книгу целый год прорабатывают с учителем: читают дополнительную литературу, готовятся. Тема будет связана с этим романом. Тема по поэзии может быть сформулирована по творчеству заранее названных двух или трех авторов XX века.

ком. И это, по-моему, начинается с самого раннего детства. Я своей дочери очень много читала вслух и по-немецки, и по-русски.

Интервьюер женщина, старше 50 лет, профессор, Ph.D.

Положение поэзии в культуре зависит от страны и культуры, так как поэзия в разных обществах играет различные роли в разное время по разным причинам и традициям. Поэзия в Германии сегодня никакой социальной роли не играет, она просто совсем незаметно существует в своем углу и мало кого интересует. Однако иногда форма стихотворения используется для провоцирования жгучих вопросов и вызывает даже скандалы (Ян Бемерман, Гютер Грасс), но эти стихи «не поэтичны», а созданы «под защитой» поэзии, в которой «все позволено». В этих случаях в стихах пишут о запретных вопросах, политических табу. На Украине, напротив, сегодня поэзия воспринимается как средство политической коммуникации с каким-то весом; общество читающих и пишущих намного больше, чем в Германии – но количество хороших стихов от этого не стало заметно больше, чем у нас...

Читательские поэтические стратегии тоже определяются культурой страны, временем. В Германии тип читателя серьезной поэзии – это профессионал-филолог, ученый (часто философ), редкий любитель. Есть еще сфера повседневной игры со стихами, сочинительства на случай (день рождения – есть у нас такая традиция, но она уже уходит). И молодежное движение поэтри слэм, но там весьма часто пишут без образования и знания поэтических традиций, главное – само выступление-перформанс, а не текст. Идеальный читатель поэзии в Германии – имеет высшее образование, чуткое ухо, живое воображение и повышенную чувствительность (или любовь к сложным герметичным текстам).

В школе на уроках языка стоит уделять внимание тому, чтобы дети смогли полюбить игру со словами, почувствовать их выразительные средства. В том числе ритм и звучность (музыкальность). Воспитать желание что-то почувствовать и выразить, побудить любовь к творчеству (вместо рецепции). Идеально «креатив райтинг» вместе с «образцами», которые показывают, что поэзия умеет и как она может уметь выразить что-то. И здесь главное – почувствовать выразительность.

У нас в Германии поэзия для детей практически не развита, так что и отношения у детей к поэзии в детстве не формируются. Для редких детей – стихи средство выражения еще неясных мыслей и чувств, точнее, творческий порыв, который можно осуществить быстро и просто. Других целей не имеет (хотя иногда можно писать что-то на случай для кого-то). Редко открывают поэзию как средство интимной коммуникации в сжатой форме (смс стихи, часто любовные).

Выводы по немецким интервью.

В целом все наши немецкие респонденты оценивают поэзию как маргинальное явление в культуре: говорят о малом круге читателей, снижении статуса поэтического искусства в глазах общества. Высказывают некоторое опасение перед современными трендами развития поэзии. Возможно стоит говорить о том, что статус поэзии меняется в сторону большей доступности, изменения бытования наивной поэзии, расширения границ поэтического, которые воспринимаются как негативные, снижающие статус «наивысшей формы искусства». Интересно, что в двух ответах прозвучало мнение о том, что школа «боится» поэтических произведений из-за их сложности и непонятности.

Следующий блок ответов – это мнения исследователей поэзии, которые имеют русские корни (родились, получили образование в России), но получали высшее образование в Германии (учились в магистратуре или аспирантуре) и на данный момент работают в Германии.

Интервьюер – женщина, около 25 лет, аспирант.

Поэзии в том понимании, которое я получила в университете (она может быть очень разной, это совсем не обязательно рифмованные строки и т. п.) для общества не существует. То есть она есть, но ее не существует для подавляющего большинства людей. Современную поэзию читает и любит очень узкий круг людей. Если есть спрос на поэзию, то это классика, серебряный век. Для широких масс поэзия – это доминанта духовности, выражение чувств. Выходы новых сборников стихов не воспринимаются в обществе широко. Но есть Вера Полозкова – звезда ютюба, ее любят, ее читают. Я специально смотрела представленные в сети списки популярных современных поэтов: Полозкова занимает практически во всех этих рейтингах первое место. Она пишет в рифму, ее стихи не нуждаются в том, чтобы их расшифровывали – это то, что хочется читать, я думаю. Спрос на поэзию остановился где-то на Серебряном веке. Это, конечно, не означает, что раньше читателей было больше, но мне кажется, что в целом у литературы в XIX веке статус был выше: у нее была возможность влиять на общественное мнение. Но и тогда читающих людей было мало – меньше, чем сейчас. И мы возвращаемся к тому, что литература, поэзия – это для избранных.

Если говорить о стратегиях чтения, то поэзию читают в поисках чего-то высокого. Читают, чтобы окунуться в поэтическое произведение и забыться. Но есть другой тип читателя – избранный. Он читает, чтобы оценить. Так, например, Полозкову такой читатель читает, чтобы сказать, что это плохая поэзия.

Школа довольно успешно формирует всеобщее представление о ценности поэзии на примере классики: обыватель уверен, что лучше всего о любви говорит именно классика. Очень живуч миф о том, что поэзия – это выражение чувств, она не может быть частью повседневности.

В идеальном мире читателей поэзии может стать больше, если найти путь, сокращающий расстояние между массовым читателем (любителем детектива и любовного романа) и теми избранными, которые знают и читают современную поэзию. У меня нет в голове картинки – человек с высшим образованием, имеющий семью, работу и читающий поэзию. Человек, идеально читающий поэзию, – это Дмитрий Кузьмин¹.

Для уроков литературы это означает, что важно не только учить классику наизусть, то и показывать, что литература сегодня тоже существует. Что есть хорошие современные поэты. Мне кажется, этого просто не знают. Не знают учителя, для которых все, что написано за последние 50 лет, либо не существует, либо ужасно (например, содержит ненормативную лексику). Мне кажется, что можно научить читать поэзию – дать к ней ключ. Но школа этого не делает.

Интервьюер – женщина, 30 лет, PhD.

Поэзия – оговорюсь: качественная поэзия – это творческое исследование семиотических возможностей естественного языка (от сугубо звуковой сочетаемости отдельных единиц, прагматически несовместимых в рамках утилитарных дискурсов, до сложных дискурсивных построений, призванных «выразить невыразимое») и, как следствие, поле функционирования нетривиальных смыслов. Поэзия «стремится трансформировать знак обратно в смысл» (Р. Барт), она имманентна языку, что в свою очередь открыл для себя и своих игрищ homo ludens. С этой точки зрения, отсутствие поэзии в человеческой культуре немислимо. С другой стороны, поэзия избыточна, поскольку деавтоматизирует опыт существования в мире, что и определяет, на мой взгляд, ее социальное значение.

Наиболее эффективной стратегией чтения поэзии остается комплексный филологический анализ, так как поэзия для меня всегда предмет медленного нелинейного чтения», а также особая форма изошренного интеллектуального гедонизма (в зависимости от степени языковой виртуозности текста, оригинальности его «поэтических решений», причин его нечитабельности варьируются и дифференцируются и «удовольствия от текста»).

Для описания идеального читателя поэзии могу указать на отдельных знатоков, чьи литературные вкусы, познания, а также форма взаимодействия с поэзией мне – в основном – глубоко симпатичны:

¹ Дмитрий Кузьмин – российский поэт, литературный критик, литературовед, издатель, переводчик, главный редактор издательства «АРГО-РИСК», поэтического журнала «Воздух».

А. Уланов¹ и Д. Кузьмин. В целом, наверное, идеальный любитель поэзии невероятно начитан, остер на язык, ядовит – и крайне любопытен.

В школе на уроках языка и литературы стоит учить уходить от языковых шаблонов, дистанцироваться от привычных значений языковых единиц, играть словами – читать, смотреть и радоваться постепенно открывающемуся смыслу. Анализ текстов не должен ограничиваться подсчетом глаголов и существительных и неповоротливыми «апробированными» интерпретациями; действеннее постепенно знакомить с плюрализмом поэтических форм и содержаний, через отдельные «изюминки» текстов, обнаружение которых должно стать маленьким откровением.

Поэзия для детей – игрушка, которой можно играть «из себя». Ее можно носить с собой, в отличие от других игрушек, не только можно, но и нужно «тащить в рот». Она может быть разной: «сейчас я стишок прорычу, а потом прошепчу». Ее нельзя сломать: ты легко можешь заменить слово и посмеяться над получившейся несурaziцей – или, напротив, удивиться новому содержанию.

Полагаю, можно выделить несколько этапов становления поэтического чтения – в разных возрастах и по мере последовательного «усложнения» поэтического материала. Но в большинстве случаев опыт открытия и восприятия поэзии может быть очень рваным – не с невидимыми мягкими переходами, а с экзальтированными «скачка́ми». Слишком капризный и сложный предмет – поэзия, чтобы и с восприятием ее все было гладко.

В этом блоке ответов хочется подчеркнуть ярко выделяющуюся разницу в определении стратегий чтения и описания идеального читателя: им становится профессионал. И во главе угла читательской поэтической практики оказывается не наивное прочтение для удовольствия, а все-таки анализ и глубокое понимание текста.

Следующие три интервью взяты у исследователей русской актуальной поэзии.

Интервьюер – мужчина, 45 лет, PhD.

Если говорить о поэзии как о написанном тексте, опуская все другие способы презентации поэтического творчества, то ее социальный статус ничтожно низкий. Вообще любая форма литературного высказывания потеряла престиж и значение отнюдь не только в России. В последние полтора десятилетия (а то и больше) литературные произведения как-то звучат только в связи со скандалами, с их литературными достоинствами никак не связанными, например, история с Сорокиным и «Идущими вместе» в начале 2000-х гг. По отношению к прозе

¹ Александр Уланов – поэт, переводчик, прозаик, критик.

поэзия всегда была явлением периферийным, и сегодня она пишется для весьма узкого круга. Я, конечно, говорю о литературе и поэзии не массовой: Вера Полозкова – другой пример, но, как писал любимый Глазков¹, «...но это не поэзия».

Поэтические чтения иногда оказываются массовыми – так бывает на книжной ярмарке на Красной площади – но это скорее исключение, и вообще для такого рода мероприятий важен, как мне представляется, не столько текст, сколько перформативный характер выступления со сцены. Может показаться, что это противоречит тому, о чем я сказал выше, но если бы на поэзию был живой спрос, поэтические вечера собирали бы залы, а этого давно нет.

Все сказанное по большому счету касается «двух столиц», в провинции ситуация иная, наверное... Мне кажется важным говорить о Москве и Питере, потому что культурное предложение в них гораздо разнообразнее и богаче.

Самое интересное из того, что пишется в современной русской поэзии и может быть рассмотрено как часть современной культуры, обращено к подготовленному читателю, который умеет контекстуализировать главные направления. Если совсем грубо, то в современной ситуации существует два вида поэтического творчества: первый – это поэзия, исходящая из опыта прошлого, подражательная, пытающаяся воспроизвести уже не актуальную писательскую манеру. Это стихи, которые апеллируют к чувствам, как это происходило, скажем, в Серебряном веке. Второй тип – это поэзия, отражающая новое отношение к происходящему и к окружающему миру, это поэзия проблематизирующая, требующая от читателя активного участия и умения (желания) отождествлять себя и свой опыт и, следовательно, ставить под вопрос свое мировоззрение.

Идеальный любитель читает стихи как лучшее выражение собственного эмоционального и жизненного опыта. То же самое происходит с музыкой. Поэзия как таковая слишком разная. Не думаю, что можно обобщить и найти читателя поэзии как таковой.

Школьное литературное образование должно предлагать самый большой спектр всех возможных направлений, жанров, стилей и языков – от, условно, Прокоповича до Егора Летова – и объяснять, чем интересен каждый из них, притом не с точки зрения содержания или сюжета, а именно на уровне языка и выразительных средств. Дети должны реагировать на понравившееся им стихотворение как на виртуозное исполнение музыки, а там уже не важно рок-музыки или симфонической.

¹ Речь идет о стихотворении Николая Глазкова «Мне говорят, что «Окна ТАСС»...».

В детском восприятии поэзии многое зависит от возраста: до 14 лет в поэзии не ищут, наверное, ничего, кроме развлечения; для тех, кто постарше, именно поэзия должна сопровождать эмоциональный рост, быть созвучной, должна стать опорой, но это опора на близкого друга, а не на отца или дедушку. Переход от одного поэтического восприятия к другому происходит, когда ты начинаешь понимать, что стоит за играми со словами и с рифмами, когда понимаешь, что это голос конкретного человека и одновременно голос конкретной эпохи, которая может быть ближе к нашей, чем мы обычно думаем.

Интервьюер – мужчина, 45 лет, кандидат филологических наук.

Роль «высокой» поэзии – сродни философии: осмыслять реальность внешнюю и внутреннюю, осмыслять процессы, происходящие с языком, искать формы выражения, альтернативные научному дискурсу – и отражающие то, что, возможно, недоступно дискурсивным языкам науки, философии – и «обыденного сознания». Роль «популярной» поэзии – давать язык выражения переживаний для тех, кто этого языка лишен или просто не способен удовлетворительно для себя выразить свои переживания; обеспечивать досуг, за которым в обществе закрепился авторитет «статусного» (сродни походу в театр или поездке на экскурсию). Вокруг поэзии – и той, и другой, возникают референтные круги, чувство причастности к которым тоже может быть важно, так как минимум обеспечивает важный канал социальной коммуникации и солидаризма (читать друг друга, обмениваться понравившимся или любимым и т. п.).

Основная стратегия чтения поэзии сейчас – чтение в интернете, на личных страницах поэтов, сайтах литературных периодических изданий или поэтических сообществах (от «Камеры хранения» или «Полутонов» – до «Стихи.ру» или «Литгазеты»). Здесь можно не только прочесть, но и оценить, обсудить, поделиться. При этом чтение из ленты блогосферы – как правило чтение отдельных текстов, перемежающееся текстами другого порядка – и тут можно варьировать, в одном случае пропуская стихи вовсе, в другом – читая их избирательно, в третьем – обращая внимание преимущественно на них. В этом случае интересно, что текст воспринимается в ином контексте, нежели чтение в книге. Чтение книги любителем поэзии – менее популярная стратегия, но существующая. Тут две основные разновидности – чтение случайной выборки (открыл книгу, прочел несколько стихотворений – и закрыл) или чтения ее как целостного произведения (куда менее распространенная – приближающаяся к профессиональному чтению). Профессиональное чтение – критиком, литературоведом или «полупрофессионалом», с расчетом на последующую интерпретацию прочи-

танного в виде критического отклика или научной работы: чтение с карандашом или закладками, запись наблюдений

Идеальный любитель поэзии – человек, имеющий набор из 5-10 поэтов, за творчеством которых он следит (или к творчеству которых регулярно обращается для чтения и перечитывания) плюс время от времени выходящий за границы этого круга в поисках новых поэтических приключений, воспринимающий стихотворение как известного, так и неизвестного автора не изолированно от общего поэтического контекста, способный предложить свое место в нем прочитанному, пусть и «ошибочно», не отвергающий непонятное, не близкое, допускающий право других на «свое» прочтение.

Исходя из этого описания, учить в школе на уроках языка или литературы надо восприятию поэтической формы как особым образом организованной речи: относиться с вниманием к самой ее организации, уметь определять свои предпочтения и оценки – и выражать их. Для детей поэзия, которая имеет для них значение, это игра: чтение – вид игровой деятельности, не только игра воображения, но и языковая игра.

Интервьюер – мужчина, старше 65 лет, доктор филологических наук.

Кроме филологов, занятых изучением поэзии профессионально, всегда есть некоторое число людей, которым так же, как и филологам, доставляет удовольствие поэзия. Это те, кто в детстве писал стихи, кто имеет иллюзию, будто бы поэзия очень нужна, что поэзия облагораживает и воспитывает. Реально поэзия очень мало воспитывает. Воспитывает Асадов: в его стихах есть указания на то, что хорошо, а что плохо. Поэтому идея о воспитании поэзией в прямом смысле не работает. Скорее можно говорить об опосредованном воздействии. Социальная роль поэзии, возможно, больше проявляется не в том, что ее можно читать, а в том, что ее можно писать самому. В возрасте 14 – 15 лет пишут если не все, то многие. Пишут даже те, кто ничего не читал никогда. Собственно, на этом и держится продолжение поэтической традиции – люди готовы поддерживать поэтические фестивали, конференции, издания.

Важно отметить две вещи, которые противопоставляются непрофессионалами: современную поэзию и поэзию классическую. Классическая – это та, в которой все понятно, она, возможно, больше похожа на Асадова (в хорошем смысле слова). Понятна ее социальная роль для обывателя. Именно на нее ориентируются наши чиновники, спонсоры литературных мероприятий. Они ориентируются никак не на авангард, никак не на Луконникова. Я считаю, что это можно изменить, но это делается не сразу. Если человек приходит с каким-то безумным проектом, то этот проект как воспитательное средство или полезное никем

не воспринимается. А вот Вера Полозкова хороша, считают чиновники и взрослые люди. Для детей, для девочек такие стихи нужны. Поэтому Вере Полозковой надо дать премию и ей предоставить площадку. А, допустим, Сень-Сенькову – зачем такому поэту давать площадку? Зачем он нам нужен? Он нам бесполезен. И в определенной степени эти люди правы. Потому что социальные функции искусства многоярусные, многоступенчатые. Когда мы говорим о непосредственной ситуации, то конечно, стихи Агнии Барто учат тому, что такое хорошо и что такое плохо. Насколько они научают, это другой вопрос, но они этому учат.

Выделяя стратегии читателей поэзии, во-первых, надо понимать, что, с одной стороны, поэзия – форма литературного творчества, с другой стороны, поэзия существует в пространстве между разными видами искусства. Прежде всего поэзия воспринимается со слуха, и развитие технических средств играет в этом очень большую роль. В 19 веке никто не мог услышать Гейне, но его книжки читали по всему миру. А сейчас можно и живого поэта увидеть, и звукозапись его послушать, и разного рода интерпретации увидеть и услышать (проекты видео поэзии, например). То есть сегодня существует очень широкий спектр средств и механизмов восприятия, с одной стороны, с другой стороны – визуализация, которая тоже очень активно развивается (это и уже названная видео поэзия, и различные способы размещения поэзии в интернете, которые связаны с визуальным восприятием, отличным от традиционного восприятия на листе бумаги, которую надо листать). И это делает поэзию внешне более современной и более близкой современному читателю. Она встроена в современный цифровой мир, его систему средств восприятия. И в этом смысле поэзия выравнивается с другими искусствами, чего раньше не было. Потому что сейчас мы может создать мультфильм из стихотворных строчек, который будет смотреться зрителем мультфильма (не читателем поэзии). Еще один очень интересный момент, который вспоминается в связи с опытами Сапгира (цикл «Три урока иврита») – межязыковая, межкультурная диффузия, в которой поэзия – тоже очень важный инструмент освоения языка. В традиционной форме – это цитаты из стихов и песен, которые помогают запомнить фразы на изучаемом языке. Не случайно есть такая теория, что поэзия родилась из чисто мнемонических соображений – для того, чтобы запоминать. Ритм, звуковая организация помогают запоминать информацию в сжатой форме.

Единственное чему нужно учить школьников, если этому можно научить, то это доверию. Нужно, чтобы в жизни человека был такой момент, когда он преодолевает какие-то свои отрицательные инстинкты и интенции, которые всегда есть. Потому что отторгать новое, непонятное, незнакомое – это естественно. Нужна ситуация, при которой

появится возможность сказать про него: «О, а это интересно!» Очень часто взрослые люди именно из-за недоверия не воспринимают новое, современное.

Выводы

Основной сюжет материалов интервью выстраивается на противопоставлении и сопоставлении поэзии «классической» и «современной» (для немецкой школы), «высокой» и «массовой» (для русской исследовательской школы). Наиболее точно, на наш взгляд, эти настроения связаны с подмеченными Татьяной Венедиктовой свойствами развития поэзии: «... поэтический язык стремится стать сверхчутким “щупальцем” смысла, а поэтическое произведение взывает к читателю о возможностях сотворчества в новом режиме, в отсутствие границ, отделяющих высокое от низкого и допустимое от недопустимого. Резкое повышение уровня интерпретационной свободы и ответственности за индивидуально производимый смысл делает стихотворение *трудным* при его же почти вызывающей (например, лексической) простоте и обескураживающей бесформенности [Венедиктова 2018: 96].

Пессимизм немецких исследователей в отношении падения читательского интереса к поэзии сочетается с достаточно конструктивной позицией русских коллег в отношении развития новых форм бытования русской поэзии, развития медийных проектов, запускаемых и реализуемых самими поэтами.

Последовательное выделение поэзии в элитарное, особое культурное явление, видимо, дает исследователям возможность чувствовать себя в большей степени профессионалами: поэзия рассматривается как социокультурный код – «особую форму социального общения, реализованного и закрепленного в материале художественного произведения» [Волошинов 1995: 64].

Выделение наивного (эстетического) и инструментального (интерпретационного, аналитического) восприятия поэзии, особенно ярко проявившееся в ответах немецких коллег (в том числе и русских исследователей, прошедших аспирантуру в Германии), отражает одну и самых важных сторон подготовки читателя поэзии в процессе школьного обучения – необходимости создавать условия для личностного, наивного, неинтерпретационного восприятия литературы, с расчетом, что «...от публики могут исходить творческие импульсы, порождающие новое видение, побуждающие к пересмотру привычных конвенций». [Венедиктова 2018: 16]

И одна из самых важных для нас позиций, высказанная русскими исследователями в формуле «свобода читателя порождает его доверие к тексту», а у немецких в акценте на творчестве читателей, наконец,

может быть обобщена так: «новые читатели создают новые тексты, новые значения которых напрямую зависят от их новых форм» [McKenzie 1999: 29]¹.

ЛИТЕРАТУРА

Венедиктова Т. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель как культурный герой / Татьяна Венедиктова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 280 с.

Волошинов В. Слово в жизни и слово в поэзии // Валентин Волошинов. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-пресс, 1995. 271 с.

McKenzie D. Bibliography and the Sociology of Text. Cambridge; London; Cambridge University Press, 1999. P. 29.

Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 1. 631 с.

REFERENCES

Venediktova T. Literatura kak opyt, ili «Burzhuaznyy chitalel' kak kul'turnyy geroy / Tat'yana Venediktova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 280 s.

Voloshinov V. Slovo v zhizni i slovo v poezii // Valentin Voloshinov. Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: Asta-press, 1995. 271 s.

McKenzie D. Bibliography and the Sociology of Text. Cambridge; London; Cambridge University Press, 1999. P. 29.

Yum D. Traktat o chelovecheskoy prirode // Yum D. Sochineniya: v 2 t. M.: Mysl', 1965. T. 1. 631 s.

¹ Цитируется по книге Венедиктова Т. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель как культурный герой / Татьяна Венедиктова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 280 с. С.16.